

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ В КОЛОНИАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ИСТОРИИ США

(XVII — НАЧАЛО XVIII в.)

Г. П. Куропятник

Миф о «Семи городах Сиболы», поразительных по красоте, богатству и величине, горы золота, серебра и драгоценностей, награбленные конквистадорами и скопившиеся в богатых домах Барселоны, Мадрида и Лиссабона, дразнили воображение и вызывали яростную зависть британских любителей легкой наживы. Упорные слухи о богатствах «семи городов» гнали караваны английских кораблей в опасные путешествия через моря¹.

Однако Америка не одарила британских авантюристов сокровищами Востока. Экспедиции У. Ралея и других англичан не обнаружили ни золота, ни драгоценностей, и миф о сказочных городах Сиболы развеялся как дым. Жизнь подсказала практичным британцам, что подлинное богатство вновь открытой страны заключается в другом. Величайшей притягательной силой Нового света, вызвавшей вскоре широкий поток иммиграции из Европы, стала земля. Европейских земледельцев манило огромное количество плодородных земель, которые можно было, как уверяли проспекты вирджинских компаний, получить чуть ли не даром. Пускаясь в далекое и полное опасностей путешествие за океан, они стремились избавиться от феодального гнета у себя на родине, получить землю в Америке и путем ее обработки обеспечить себе экономическую независимость.

Борьбе колонистов за землю уделено весьма мало внимания в американской историографии, хотя факторы, связанные с этой борьбой, оказали огромное влияние на социально-экономическое и политическое развитие английских колоний в Северной Америке. Это признано крупным специалистом-аграрником М. Хэррисом, составившим сборник документальных данных о происхождении различных форм землевладения в США в XVII—XVIII веках. «Из поля зрения историков, экономистов и других обществоведов,— писал Хэррис,— совершенно выпала проблема эволюции системы землевладения в США»². Совсем недавно крупный авторитет по истории войны за независимость, профессор Висконсинского университета М. Дженсен пришел к выводу, что «мы имеем искаженную картину общей истории Американской революции, и для исправления этого потребуются провести огромное число самых тщательных исследований»³. В число наименее исследованных проблем Дженсен включил аграрный вопрос, борьбу за землю и роль народных масс в событиях,

¹ См. S. Clissold. *The Seven Cities of Cibola*. L. 1961.

² M. Harris. *Origin of the Land Tenure System in the United States*. Ames. 1953, p. VII.

³ M. Jensen. *The American Revolution and American Agriculture*. «Agricultural History», Vol. XLIII, № 1, January 1969, p. 107.

предшествовавших войне за независимость и в ходе ее. Он с сожалением констатировал: «Роль американского народа игнорируется и отрицается»⁴. Н. Н. Болховитинов, анализируя состояние американской историографии, отметил, что «даже «новые левые» историки, которые прямо подчеркивают необходимость изучения роли «молчаливых масс», часто забывают о «молчаливых фермерах»...»⁵. В советской исторической литературе вопросу, являющемуся предметом изучения в данной статье, больше всего внимания было уделено в исследовании А. С. Самойло⁶. Изданное более 10 лет назад, оно до сих пор не утратило своей научной ценности, хотя некоторые положения и выводы автора являются спорными. Представляется, например, что развитие капитализма в колониях возведено им на слишком высокую для XVII в. ступень.

Возникшее в XVII в. на Атлантическом побережье Северной Америки общество белых колонистов было свободно от вековых традиций предшествовавших эпох — рабовладельческой и феодальной формаций. Но правители Англии, стремясь «сделать Новый свет прочным оплотом реакции»⁷, сознательно проводили политику создания в колониях сильного правящего класса крупных землевладельцев и активно насаждали феодальную собственность и феодальные порядки.

Щедрой рукой английские короли в течение первых двух третей XVII в. раздавали американские земли в феодальную собственность влиятельным аристократам, состоятельным дворянам, вельможам и фаворитам. Королевские хартии на владение землей в Америке были пожалованы лорду Балтимору — на Мэриленд и большую часть Делавэра, Р. Джорджесу — на провинцию Мэн, Дж. Мэзону — на Нью-Гэмпшир, группе из восьми челсвек — лордов, генералов и придворных — на Каролину, У. Пенну — на территорию, названную впоследствии Пенсильванией, герцогу Я. Йоркскому — на колонию Нью-Йорк, лорду Бэркли и Дж. Картерету — на Нью-Джерси, лордам Арлингтону и Калпеперу — на земли почти всей Вирджинии (на 31 год) и т. п. Такие колонии, принадлежавшие отдельным лицам, назывались собственническими. Феодальные лорды-собственники, номинально признававшие себя вассалами английского короля, владели около $\frac{9}{10}$ территории тогдашних колоний Англии в Северной Америке.

Королевские пожалования превратили земли вдоль Атлантического побережья в почти сплошную полосу громадных феодальных владений. Лорды-собственники получили фактически не ограниченную исполнительную, судебную и законодательную власть, создавали собственные вооруженные силы для защиты своих владений. Лорд Балтимор, например, по дарованной ему королем хартии «имел право объявлять войну, заключать мир, назначать всех чиновников, включая судей, управлять по законам военного времени, милловать преступников и жаловать титулы»⁸.

Распоряжение землей всецело находилось в руках феодалов и управляющих их поместьями. Они устанавливали и взимали фиксированную ренту. В собственнических колониях запрещались продажа земли и дробление владений. С целью предотвращения раздела поместий здесь широко действовали феодальные законы о неотчуждаемости земли и принцип первородства — майорат, по которому старший сын получал в

⁴ M. Jensen. The American People and the American Revolution. «The Journal of American History», Vol. LVII, № 1, June 1970, p. 5.

⁵ Н. Н. Болховитинов. Теоретические и историографические проблемы Американской революции XVIII в. М. 1973, стр. 63.

⁶ А. С. Самойло. Английские колонии в Северной Америке в XVII веке. Начальный период истории США. М. 1963.

⁷ У. З. Фостер. Очерк политической истории Америки. М. 1953, стр. 75.

⁸ Там же, стр. 78.

свою собственность всю землю, а остальным сыновьям и дочерям соответственно выплачивались доли или выдавалось приданое. Земля не подлежала изъятию за недоимки или долги ее владельца. Наследник не мог продать землю или ее часть, подарить или передать другим лицам⁹.

Прибывавшие в эти колонии свободные европейцы в большинстве случаев не становились свободными земледельцами на свободной земле. Они могли получить здесь земельный участок лишь в пожизненное пользование и только от лорда-собственника¹⁰. Земля передавалась им в феодальные держания, и никто «не имел права свободно уйти с земли своего лорда и жить в другом месте без получения письменного разрешения от лорда за его личной подписью и печатью»¹¹. Советский исследователь колониального периода истории США А. С. Самойло, основываясь на большом фактическом материале, показал стремление лордов-собственников рассматривать «трудящееся население колоний как наследственное, зависимое от феодальных землевладельцев, подчиненное их юрисдикции, прикрепленное к земле, обложенное феодальной рентой...»¹².

Все держатели земли обязывались ежегодно выплачивать лорду-собственнику фиксированную ренту. Например, конституция Каролины 1669 г. (ст. 103) установила, что «всякий, кто вступит во владение любым земельным участком в Каролине на основе любого титула или пожалования, будет, начиная самое позднее с 1689 г., выплачивать ежегодно лордам-собственникам за каждый акр земли... столько чистого серебра, сколько в настоящее время содержится в английском пенни, или вместо этого его стоимость. Это явится на вечные времена главной рентой и признанием власти лордов-собственников, их наследников и преемников»¹³. В Вирджинии размер ренты в XVII — начале XVIII в. составлял около 12 пенни за каждые 50 акров¹⁴.

Насаждение феодальной собственности и феодальных порядков с некоторыми незначительными отличиями осуществлялось и в так называемых королевских колониях, которые находились в непосредственном ведении короны (с 1623 г. — Вирджиния, с 1685 г. — Нью-Йорк). В каждую провинцию (за исключением Род-Айленда и Коннектикута) английский король назначал губернатора.

На протяжении XVII в. в собственнических и королевских колониях основным способом получения земли являлся так называемый подушный надел. Эта система земельной политики возникла в Вирджинии. С целью ускорить заселение колонии здесь было объявлено, что всякий, кто за свой счет перевезет в колонию или пошлет туда других лиц, получит по 50 акров земли на себя, на каждого члена семьи и на каждого поселенца. На основании этого любому колонисту, прибывавшему в Вирджинию, предоставлялся участок земли. Земельные участки по праву на подушный надел выделялись также на законтрактованного работника или раба, но получал землю тот, кто оплатил расходы по их доставке в Америку¹⁵. Система подушного наделения землей применялась и в других колониях. В Каролине лорды-собственники зарезервировали за собой по 12 тыс. акров каждый¹⁶. Они предусмотрели для нобилей выделение латифундий таких же размеров, а всякому состоятельному колонисту,

⁹ «North Carolina Charters and Constitutions, 1578—1698» (далее — «North Carolina Charters»). Ed. by M. E. E. Parker. Raleigh. 1963, pp. 133, 135.

¹⁰ См. ст. 102 конституции Каролины 1669 г. Ibid., pp. 150—151.

¹¹ Ibid., p. 137.

¹² А. С. Самойло. Указ. соч., стр. 228.

¹³ «North Carolina Charters», p. 151.

¹⁴ «The History and Present State of Virginia». Arranged by R. Beverly; 1st ed. L. 1705; Chapell Hill. 1947, p. 278.

¹⁵ «The History and Present State of Virginia», p. 277; W. S. Robinson. Jr. Mother Earth—Land Grants in Virginia, 1607—1699. Williamsburg. 1957, pp. 32—35, 39—43.

¹⁶ «North Carolina Charters», p. 133.

который смог полностью заплатить за свой переезд через океан, предоставляли в держание 150 акров. Кроме того, колонист получал в свое держание по 150 акров земли за любого работника-мужчину, перевезенного за счет колониста в Америку. С полученных земель уплачивалась фиксированная рента — пени за акр¹⁷. В Мэриленде и Делавэре состоятельный переселенец получал 100 акров — на главу семьи, 50 акров — на каждого ребенка до 16 лет, кроме того, 100 акров — за каждого привезенного на его средства законтрактованного работника¹⁸. Получаемая колонистами земля была отягощена различными феодальными повинностями, главной из которых являлась фиксированная рента (правда, в ряде колоний вновь прибывшему предоставлялась отсрочка по выплате ренты до 7 лет)¹⁹.

Плантации в южных и среднеатлантических колониях обрабатывались в XVII в. почти исключительно трудом белых рабов — законтрактованных работников. На «душу» каждого из них купивший их богатый колонист получал соответствующее количество акров и становился владельцем плантации. При этом он обязывался ежегодно уплачивать лорду-собственнику фиксированную ренту со всей созданной на основе права подушного надела плантации. Право на держание земли (патент) плантатор получал после подготовки почвы для обработки и возведения необходимых построек для своей семьи и жилья для законтрактованных работников. В колониях не существовало предельного ограничения для поместья, слагаемого из подушных наделов, за исключением Джорджии и Нью-Йорка, где под давлением свободных переселенцев был установлен лимит — не более 2 тыс. акров²⁰.

Система землепользования, сложившаяся в колониях, которые занимали срединное положение между Югом и Новой Англией, имела много общих черт с системой южных колоний. С самого начала здесь также общались лорды-собственники. Для покрытия своего долга в 16 тыс. фунтов стерлингов король Карл II в 1681 г. отвел У. Пенну огромную территорию в 47 млн. акров. Здесь землю можно было приобрести по праву на подушный надел, путем аренды и покупки. Однако полученный любым из этих способов участок земли облагался фиксированной рентой²¹. Особенно охотно земельные пожалования предоставлялись состоятельным поселенцам, доставлявшим на место целые группы сельскохозяйственных законтрактованных работников. При немедленной уплате наличными 100 ф. ст. поселенцу отводилось 5 тыс. акров и устанавливалась ежегодная рента в размере 1 шилл. за 100 акров. Тот, у кого не было такой суммы, мог надеяться лишь на аренду участка не более чем в 200 акров. Для него устанавливалась рента в размере 1 пени за акр²². Отдельные земельные пожалования в Пенсильвании достигали огромных размеров — от 10 до 60 тыс. акров²³. Наряду с Мэрилендом земледельцы Пенсильвании несли наиболее тяжелые феодальные повинности, в особенности обязательства по выплате фиксированной ренты.

¹⁷ Ibid.

¹⁸ «A Description of the Province on New Albion». «Tracts and Other Papers, Relating Principally to the Origin, Settlement and Progress of the Colonies in North America from the Discovery of the Country to the Year 1776». Collected by P. Force. 2d ed. Vol. II. N. Y. 1947, p. 35 (далее — «Force's Collection of Historical Tracts»).

¹⁹ «American Colonial Documents». Ed. by M. Jensen. L. 1955. Doc. № 48, pp. 341—342.

²⁰ M. Harris. Origin of the Land Tenure System in the United States. Ames. 1953, p. 197.

²¹ «Documents of American History». Ed. by H. S. Commager. 5th ed. Vol. I. N. Y. 1949, p. 36; W. R. Shepherd. The Land System of Provincial Pennsylvania. «The Annual Report of the American Historical Association for the Year of 1895». Washington. 1896, pp. 117, 121.

²² «American Colonial Documents», Doc. № 10, p. 126.

²³ Компания «Свободное общество торговцев» приобрела у Пенна имение в 20 тыс. акров. В 1683 г. две группы переселенцев из Франкфурта и Креффельда купили

В колонии Нью-Йорк феодальная система патронатства, введенная еще голландцами, действовала почти без изменения после захвата Новой Голландии англичанами в 1664 г. и превращения колонии с 1685 г. в королевскую. Обширные земельные угодья-патронатства, занимавшие каждое от 50 тыс. до 1 млн. акров, принадлежали нескольким семействам — Ван-Ренселлерам, Филипсам и другим²⁴. Ван-Ренселлеры огородили вдоль р. Гудзон 700 тыс. акров земли. Имена обрабатывались арендаторами, которые выплачивали арендную плату, феодальную ренту и несли другие повинности²⁵. Наряду с арендой земли в Нью-Йорке раздавались подушные надельные — мелкие земельные участки — тем, кто мог добраться в Америку за свой счет. Колонист получал земельный участок такого размера, который он со своей семьей смог бы самостоятельно обрабатывать, и после определенного срока начинал выплату фиксированной ренты.

Феодальный гнет сковывал развитие хозяйства мелких фермеров, а именно они численно преобладали в колониях, занимавших срединное положение, особенно в Нью-Йорке, Нью-Джерси и Делавэре. Неизбежным следствием такой системы раздачи земель было то, что среди действительных поселенцев и арендаторов, жаждавших получить свободный участок земли, накапливалась ненависть к владельцам крупных поместий, где большая часть земли оставалась необработанной.

От собственнических и королевских колоний значительно отличались так называемые корпоративные колонии в северной части атлантического побережья, созданные различными корпорациями или общинами (большой частью религиозного характера) на средства торгово-промышленных компаний Англии (Плимутской, Дорчестерской, компанией залива Массачусетс, компанией предпринимателей Новой Англии в Америке и других). Здесь, несмотря на ряд крупных земельных пожалований, установившаяся к середине XVII в. система землепользования привела к образованию сравнительно мелких ферм. В течение XVII в. земля в корпоративных колониях предоставлялась главным образом организованным группам переселенцев — корпорациям или общинам. Корпорации получали отнятую у индейцев землю и селились на отведенных им территориях, которые именовались тауншип (поселение) или дистрикт (округ). Оставляя часть земли для общего пользования (пастбища, леса и т. п.), поселенцы делили остальную землю между собой — получали сравнительно небольшие участки. Например, в округе Дорчестер (Массачусетс) в 1638 г. на одну семью в среднем приходилось по 10 акров. В округе Хартворд (Коннектикут), как свидетельствуют сохранившиеся земельные реестры, в 1640 г. средний размер земельных владений составлял 27 акров. В Массачусетсе в округе Эссекс в середине XVII в. около половины ферм имело участки менее 20 акров, а у 76% ферм размер участков не превышал 50 акров²⁶.

Принцип распределения земли на каждую семью, принятую в ту или иную общину-корпорацию, был отличительной чертой землепользования, складывавшегося в колониях Новой Англии. В дальнейшем принцип выделения земельных участков на семью оказал огромное влияние на формирование национальной системы землепользования после образования независимого государства и на процесс борьбы двух путей развития капитализма в земледелии.

15 и 6 тыс. акров (W. R. Shepherd. History of Proprietary Government in Pennsylvania (1681—1784). N. Y. 1896, pp. 54—76; Ch. M. Andrews. The Colonial Period of American History. 4 vols. New Haven. 1934—1938. Vol. III, p. 281—289).

²⁴ «The Documentary History of the State of New York». Arranged by E. B. O'Callaghan. Vol. I. Albany. 1850, pp. 251—253.

²⁵ C. W. Rife. Land Tenure in New Netherland. «Essays in Colonial History Presented to Ch. M. Andrews by His Students». New Haven. 1931, pp. 59—73.

²⁶ H. M. Morais. The Struggle for American Freedom, 1607—1801. N. Y. 1944, p. 54.

Однако и в корпоративных колониях (Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд) поселенцы не были полностью свободными. Им пришлось вести длительную и упорную борьбу против лордов-собственников из Мэна и Нью-Гэмпшира, пытавшихся распространить на их земли феодальные отношения и уплату фиксированной ренты. Большое значение в борьбе за «свободную землю» в этом районе имело введение с 1641 г. в Массачусетсе запрета на обложение фермеров фиксированной рентой, за исключением тех случаев, когда генеральной курией колонии выносилось соответствующее постановление. В Коннектикуте не соблюдался принцип первородства и другие атрибуты феодальных отношений. Мелкие фермеры Новой Англии неоднократно оказывали сопротивление попыткам установить фиксированную ренту и решительно требовали, чтобы их земля была свободной от всех феодальных повинностей²⁷.

Таким образом, одновременно с крупным феодальным землевладением лордов-собственников в колониях зарождаются коммерческие плантации — там, где на землях феодалов преобладает система подушного надела, и мелкие фермы собственников земли — в ряде колоний Новой Англии.

Состав переселенцев был довольно пестрым. Пожалуй, не будет ошибкой сказать, что человеческие ресурсы приатлантических колоний Северной Америки образовались в основном в результате развития капитализма в метрополии. «Огораживание» привело в Англии к сгону с земли большого числа арендаторов, мелких фермеров и сельскохозяйственных рабочих. Они хлынули в города, но британская промышленность оказалась не в состоянии поглотить всю эту рабочую силу из-за уже существовавшей в промышленных центрах безработицы²⁸. Другая часть потенциальных колонистов состояла из мелких ремесленников, квалифицированных рабочих, учеников и подмастерьев, которые не смогли приспособиться к новым условиям развития капитализма и, поняв всю бесплодность своих надежд получить квалифицированную работу на родине (из-за существовавшей системы гильдий), были готовы попытаться счастья за океаном²⁹. Некоторые из будущих переселенцев добровольно подписывали контракты (на срок от одного года до 17 лет, в среднем же около 5 лет) для того, чтобы оплатить свой переезд за океан, и таким образом попадали там во временное рабство. Их называли сервентами, или законтрактованными работниками. В XVII в. они составляли подавляющую часть английской эмиграции в Америку. Многих людей и особенно детей насильственно продавали в рабство и отправляли в Америку. В колонии ссылались и преступники, а вместе с ними иногда и лица, совершившие совсем незначительные проступки, задержанные лишь по подозрению в правонарушении или просто за бродяжничество. Все они также попадали в рабство³⁰.

Огромное большинство переселенцев стремилось к получению свободного участка на свободной земле. Они соглашались на рабский труд в течение определенного срока только потому, что надеялись после освобождения от кабалы стать владельцами своей фермы и своей земли³¹. Лорды — собственники колоний были заинтересованы в привлечении на

²⁷ См. H. M. Ward. *United Colonies of New England, 1643—1690*. N. Y. 1961, pp. 314—337; R. S. Dunn. *Puritans and Yankees, 1630—1717*. Princeton. 1962, pp. 117—142; N. Mead. *Connecticut as a Corporate Colony*. Lancaster. 1906, pp. 59—77.

²⁸ А. В. Ефимов. США: пути развития капитализма. М. 1969, стр. 318.

²⁹ См. подробнее: Н. А. Ерофеев. Народная эмиграция и классовая борьба в Англии. М. 1962, стр. 33—40.

³⁰ «American Colonial Documents». Doc. № 68, pp. 460—461; A. E. Smith. *Transportation of Convicts to the American Colonies in the 17th Century*. «The American Historical Review», Vol. 39, 1934, № 2, pp. 232—249.

³¹ A. E. Smith. *Colonists in Bondage: White Servitude and Convict Labor in America, 1607—1776*. Chapel Hill. 1947, p. 54; «American Colonial Documents». Doc. № 71, pp. 469—476.

свои земли более состоятельных колонистов, которые смогли бы не только оплатить свой переезд через океан, но и привезти за собственный счет людей, становившихся их кабальными работниками. Этот социальный слой иммиграции составлялся из мелких и средних торговцев, предпринимателей и ростовщиков, рассчитывавших быстро разбогатеть на еще не эксплуатировавшихся землях. Меркантильными соображениями руководствовались и отправлявшиеся в дальний путь младшие сыновья английских аристократов: земли в Англии обычно переходили от отца к старшему сыну, и поэтому в переселении в колонии многие из них видели решение жизненно важной для них проблемы³².

Помимо экономических причин, значительную роль в переселении за океан играли религиозные и политические мотивы. Но по этим мотивам в Америку переселилось гораздо меньше людей, чем под давлением экономических факторов, хотя во многих случаях экономическая необходимость, религиозные и политические преследования были тесно переплетены между собой³³. В период английской буржуазной революции XVII в. в американские колонии в качестве законтрактованных работников принудительно направлялись роялисты, ирландцы, шотландцы.

На первых порах становления колониального общества ведущую роль в хозяйственном развитии играли те колонии, где, как отмечал К. Маркс, «производились только продукты для торговли, как например, табак, хлопок, сахар и т. п., а не обычные предметы питания, где колонисты с самого начала не пропитания искали, а основывали коммерческие предприятия»³⁴. Плантации, на которых выращивался табак, а также рис и, позднее, индиго, стали центром коммерческой системы, в которой активное участие принимало большое число английских капиталистов — торговцев, судовладельцев, банкиров, связанных со складывавшимся мировым капиталистическим рынком³⁵.

«Колонисты,— указывал К. Маркс,— поступали здесь..., как люди, которые руководствовались мотивами *буржуазного производства* и хотели производить *товары*, исходя из точек зрения, с самого начала определявшихся не продуктом, а продажей продукта». На плантациях, основанных на землях феодальных лордов-собственников и обрабатывавшихся в XVII в. главным образом законтрактованными работниками — белыми рабами, К. Маркс уже тогда находил «в более наглядном виде, *без борьбы с традиционными отношениями*, стало быть в *незатемненной форме*, ... господство капиталистического производства в земледелии...»³⁶.

Со второй половины XVII в. позиции английских капиталистов в колониях значительно укрепились, так как их представители в правящих кругах Лондона приняли меры по запрещению деятельности торговцев других стран в Северной Америке³⁷. В результате этого британские капиталисты в колониях оказались в монопольном положении, что значительно облегчило для плантаторов получение кредита, поскольку финансировавшие их банкирские дома Англии имели солидное обеспечение под выданные суммы в виде гарантированных поставок табака, а также земельных владений. Выручка от продажи табака и возможность получить кредит в неурожайный год обеспечивали плантаторам регулярные закупки необходимых товаров в Англии. С другой стороны, кредиты ставили плантаторов в зависимость от английских капиталистов, которая с годами постепенно усиливалась. Когда наряду с Вирджинией плантационное хозяйство распространилось в Мэриленде, Южной Каролине и

³² См. подробнее: W. Notestein. The English People on the Eve of Colonization, 1603—1630. N. Y. 1954.

³³ См. Н. А. Ерофеев. Указ. соч., стр. 38—40.

³⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 258.

³⁵ «American Colonial Documents», Doc. № 55, pp. 400, 401, 410.

³⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч. Т. 26, ч. II, стр. 258.

³⁷ «Documents of American History». Vol. I, pp. 32—34.

Джорджии, плантаторы этих колоний также попали в зависимость от английского и шотландского торгового и ростовщического капитала. Долговая зависимость плантаторов, а также перекаладывание на них английскими торговцами всех издержек по доставке табака и всех потерь от изменения цен на мировом рынке приводили к значительным различиям между плантаторами и английскими торговцами. Плантатор, как правило, вынужден был довольствоваться в лучшем случае 50%, в худшем — 10% дохода от продажи табака³⁸. Колониальная эксплуатация со стороны британских торговцев, естественно, вызывала раздражение и недовольство плантаторов. В недалеком будущем это станет одним из источников конфликта между южными колониями и Англией.

Не меньший ущерб терпели плантаторы от феодальных земельных отношений, закреплявшихся лордами-собственниками. Быстрое истощение почвы под культурой табака заставляло плантаторов искать другие земельные участки. Однако феодальное землевладение ограничивало освоение новых площадей. В Мэриленде и особенно в Южной Каролине феодальные магнаты, используя свою монополию на землю, не допускали ни плантаторов, ни мелких фермеров на плодородные земли. Если плантатор получал от лорда-собственника латифундию размером в 1—3 тыс. акров, то $\frac{5}{6}$ земли он имел право сдать в пользование арендаторам. Плантаторы обязывались собирать с последних и уплачивать лорду-собственнику фиксированную ренту. Они не имели права дробить латифундии и в случае продажи какой-нибудь их части должны были уплатить лорду-собственнику штраф. Таким образом, плантаторы-табаководы, осевшие на землях феодальной знати, несли феодальные повинности. Те плантаторы, которые приобретали земли по праву подушного надела на своих законтрактованных работников, также облагались фиксированной рентой в пользу феодального владельца³⁹ (официально от уплаты ренты была освобождена лишь небольшая часть плантаторов, принадлежавших к числу первых колонистов Лондонской вирджинской компании, и их наследники). Отсюда проистекали не только недовольство и вражда этой влиятельной социальной группы южных колоний к феодальной земельной знати, но и ее интерес к свободному доступу на земли Запада⁴⁰.

Монополия феодальных лордов — собственников на землю гнала основную массу неимущих поселенцев на Запад. Они самовольно занимали земли, принадлежавшие королю или лордам-собственникам, и обосновывались там как скваттеры. Скваттерами становилось значительное число свободных колонистов, «бежавших от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество»⁴¹. Бедность, а также ненависть к всяческим феодальным притеснениям заставляли их пренебрегать легальными методами приобретения земли у лордов-собственников. Движение скваттеров за «свободную землю» получило широкое распространение не только в собственнических и королевских колониях, но и в Новой Англии, где, например, все земли Сэлема были заняты скваттерами. Без соблюдения юридических формальностей они занимали здесь приглянувшиеся им земли, изгоняли подлинных хозяев — индейцев и начинали полную тревог и опасностей жизнь пионеров границы. Они вступали в длительную борьбу за существование не только с силами природы, но и с наемниками феодальных магнатов, считавших занятую скваттерами землю своей собственностью.

С конца XVII в. тысячи скваттеров — свободные европейские иммигранты, а также отработавшие свой срок или бежавшие на волю закон-

³⁸ «American Colonial Documents». Notes, p. 325.

³⁹ «A Description of the Province of New Albion». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. II, p. 35.

⁴⁰ «American Colonial Documents», Notes, p. 325.

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 128.

трактованные работники и разорившиеся мелкие фермеры из старых районов колоний — начали заселять западные районы Вирджинии, Мэриленда, Каролины, Джорджии, Пенсильвании, Нью-Джерси. Поэтому если на Атлантическом побережье доминировала плантационная система, то в западных районах превалировало мелкое фермерское хозяйство скваттеров, свободное от фиксированной ренты и других феодальных повинностей в пользу лордов-собственников. Не выплачивали феодальную ренту и фермы большинства колоний Новой Англии. Земледельцы этих районов на своих маленьких участках выращивали пшеницу, кукурузу, овес, рожь, разводили скот и занимались домашним ткачеством. Почти вся работа выполнялась семьей фермера. Анализируя развитие хозяйства таких колонистов, К. Маркс отмечал: «Это — крестьяне, которые в большей или меньшей степени работают сами и которые стремятся главным образом к тому, чтобы обеспечить *свое собственное содержание*, производить для себя средства существования. Поэтому их главный продукт не становится *товаром* и не предназначается для торговли. Избыток своих продуктов над тем, что они потребляют сами, они продают, обменивают на ввозимые в колонию промышленные товары и т. п.». Поэтому, приходил к выводу К. Маркс, «основная масса занимающихся земледелием колонистов, хотя они и привозят с собой из метрополии более или менее значительный капитал, не является *капиталистическим классом*, и их производство не является *капиталистическим* производством»⁴².

Феодальный гнет крупных землевладельцев порождал жгучую ненависть и ропот трудящихся колонистов. Особенно оскорбительными для поселенцев были обязательства по уплате фиксированной ренты как знак их феодальной зависимости от лорда-собственника и как инструмент угнетения со стороны зачастую отсутствовавшего лендлорда. При неуплате ренты в срок довольно часто применялись принудительные меры: налагался арест на имущество и скот должника, а сам арендатор заключался в долговую тюрьму. В случае трехлетней задолженности земля и ферма подлежали конфискации и принудительной продаже⁴³.

В XVII в. борьба против ренты носила в основном стихийный характер и принимала различные пассивные и активные формы. Часто задолжавшие фермеры просто скрывались в соседних лесах во время наездов сборщиков. В отдаленных поселениях на западной границе колонисты открыто сопротивлялись сбору ренты и выгоняли сборщиков со своей земли. В других местах фермеры настаивали на замене денежных взносов натуральными. При уплате натурой — табаком, пшеницей или рисом — часто разгорались споры между фермерами и сборщиками ренты относительно стоимости товара, его сортности, а также по поводу того, за чей счет будут оплачены расходы по доставке ренты в натуре в амбары лорда-собственника. Сплошь и рядом возникали волнения и стихийные вооруженные столкновения, когда сборщики ренты, агенты лордов-собственников и шерифы первыми прибегали к насильственным мерам. Участвовавшие в сборе ренты шерифы получали 10% от собранной суммы⁴⁴.

В последней четверти XVII в. лорды-собственники и колониальные власти предприняли попытки строго взыскивать фиксированную ренту. Это привело к резким столкновениям с мелким фермерством, которые вылились в ряде колоний в вооруженные бунты. Выступая против крупного землевладения и феодальных повинностей, поселенцы требовали снижения налогового гнета и свободного предоставления им земли. Наиболее драматические конфликты вспыхнули в Вирджинии. Здесь управ-

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 328.

⁴³ W. R. Shepherd. The Land System of Provincial Pennsylvania, p. 121; M. H a r i s. Op. cit., pp. 328—329.

⁴⁴ W. S. R o b i n s o n. Op. cit., p. 57.

ление находилось в руках губернатора и совета при нем, рьяно защищавших интересы лордов-собственников и английских торговцев, благополучие которых строилось на труде задавленных долгами и поборами мелких фермеров, ремесленников и белых рабов — законтрактованных работников. В Вирджинии, как и во многих других английских колониях в Америке, в то время проявилась тенденция к созданию крупных земельных владений, что заставляло менее удачливых поселенцев искать и осваивать небольшие земельные участки далеко на западе. Крупные владения оказывались экономически более эффективными. По мере усиления этой тенденции мелкие фермеры теряли свои участки, а местная аристократия, британские торговцы и ростовщики все больше наживались за счет обанкротившихся фермеров и плантаторов или освободившихся от временного рабства законтрактованных работников, предоставив им кредит. Беря займы, фермеры отдавали свои фермы и обработанные земельные участки в качестве залога. Кредит должен был выплачиваться с процентами определенными частями и в определенное время. Если цена на урожай падала, то мелкий фермер подвергался опасности залезть в еще большие долги. До тех пор, пока оставалась задолженность, фермер был вынужден продавать урожай своему кредитору и покупать у него же товары. В силу этого мелкие фермеры попадали в безысходную зависимость от земельной и торговой аристократии⁴⁵.

Возникшая во второй половине XVII в. экономическая депрессия (в связи с перепроизводством табака и усилением торговых ограничений со стороны Британии) сильнее всего сказалась на фермерах и мелких плантаторах в западной части Вирджинии, над которыми тяготели огромные долги. Монополисты — скупщики табака и английские торговцы забирали их продукцию по бросовым ценам, и фермеры, таким образом, попадали под двойной гнет — местного землевладельца и британского торговца⁴⁶.

В этой обстановке английский король Карл II, предпочитавший расплачиваться за свои личные или политические долги землями в американских колониях, передал в 1674 г. лордам Арлингтону и Калпеперу на 31 год права короны на земли почти всей Вирджинии. Никогда не бывавшие там новые лорды-собственники получили право не только назначать шерифов и других колониальных чиновников, но и право распоряжаться землями и собирать фиксированную ренту⁴⁷. Несмотря на то, что «большинство округов находилось в огромной задолженности по выплате фиксированной ренты», в колонии были введены дополнительные налоги, основная тяжесть которых падала на плечи беднейших слоев фермерства и ремесленников, приняты строгие меры по взысканию долгов, ренты и недоимок по ней⁴⁸.

Самый факт этого королевского пожалования и действия новоявленных лордов-собственников глубоко оскорбили и взволновали фермерство и плантаторов Вирджинии. К экономическим трудностям прибавилось наступление колониальной аристократии на гражданские и политические права поселенцев: были сведены на нет права фермеров, мелких плантаторов и немногочисленных ремесленников, ограничено право бедных слоев населения на участие в выборах в колониальную ассамблею путем повышения имущественного ценза⁴⁹. Предел народно-

⁴⁵ См. W. E. Washburn. *The Governor and the Rebel: A History of Bacon's Rebellion in Virginia*. Chapel Hill. 1957, Ch. 2, 10; Г. Аптекер. Колониальная эра. М. 1961, стр. 84—85.

⁴⁶ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 85.

⁴⁷ «Extract from a Manuscript Collection of Annals Relative to Virginia». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. II, p. 9.

⁴⁸ «American Colonial Documents». Doc. № 94 C, pp. 587—590; W. S. Robinson. *Op. cit.*, p. 62.

⁴⁹ «A True Narrative of the Late Rebellion in Virginia, 1677». «Narratives of the Insurrections, 1675—1690». Ed. by Ch. M. Andrews. N. Y. 1952, p. 107.

му терпению наступил при губернаторе У. Бэркли. Произвол крупных феодальных землевладельцев и английской администрации, коррупция при раздаче земель, строгости при взывании ренты и, наконец, отказ властей принять меры против набегов индейцев на западные поселения колонистов привели в 1676 г. к открытому выступлению фермеров против земельной аристократии⁵⁰.

Восстание возглавил мелкий плантатор Н. Бэкон. Отряд Бэкона двинулся на столицу Вирджинии Джеймстаун и заставил власти провести новые выборы в ассамблею, в которой подавляющее большинство получили сторонники восставших. Ассамблея не только отменила прежние дискриминационные законы, но и приняла серию актов в интересах фермеров, в том числе закон о предоставлении избирательных прав всем свободным поселенцам⁵¹. В своих выступлениях перед народом Бэкон провозгласил, что «жизнь, свобода и владение землей» являются главными ценностями, которые должны быть обеспечены всем колонистам. Нет сомнения, что это требование восставших колонистов XVII в. оказало 100 лет спустя огромное влияние на автора «Декларации независимости», вписавшего в нее фразу о праве на «жизнь, свободу и стремление к счастью»⁵². В декларации Бэкона от имени народа Вирджинии объявлялось о конфискации земельных владений и собственности сторонников губернатора. Восставшие фермеры выдвигали требование «дележа богатых имений», отмены фиксированной ренты и аннулирования всех недоимок по ней⁵³. Власть Вирджинии объявила Бэкона бунтовщиком и арестовали его. Но, оказавшись на свободе, Бэкон собрал новый отряд повстанцев и снова занял Джеймстаун. Дав санкцию на назначение Бэкона начальником войска и послав его для борьбы с индейцами, губернатор собрал отряд в тысячу человек и бросил его на усмирении бунтовщиков.

Восставшие разгромили войско губернатора, но их предводитель Бэкон вскоре умер. Внезапная смерть Бэкона внесла смятение в ряды суеверных повстанцев, и властям уже не стоило больших усилий подавить восстание. Четырнадцать вожаков были повешены, имущество многих повстанцев конфисковано, почти все демократические завоевания отменены⁵⁴. Это было первое значительное выступление фермеров, ремесленников и мелких плантаторов против гнета крупных феодальных землевладельцев и колониальных властей, оказавшее огромное влияние на развитие классово-борьбы во всех английских колониях на американском континенте. Бэкон вошел в национальную историю США как предводитель самого крупного народного восстания XVII в., как провозвестник, «знаменосец революции»⁵⁵, потрясшей Северную Америку ровно через 100 лет.

После разгрома восстания, несмотря на прибытие английских войск, в самой Вирджинии долгое время продолжалось брожение среди беднейших слоев населения — разоренных фермеров, батраков, законтрактанных работников. В 1681 г. на запрос из Лондона сообщалось:

⁵⁰ «The Beginning, Progress, and Conclusion of Bacon's Rebellion in Virginia in the Years 1675 and 1676». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. I, pp. 7—24; Н. С. Бурич. Восстание Бэкона в Виргинии. «Вопросы истории», 1973, № 6, стр. 210—212.

⁵¹ «An Account of Our Late Troubles in Virginia». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. I, pp. 3—10; «A Narrative of the Indian and Civil Wars in Virginia, in the Years 1675 and 1676». Ibid. Vol. I, pp. 9—29.

⁵² Ch. W. H. Warner. Road to Revolution. Richmond. 1961, p. 26.

⁵³ «American Colonial Documents». Doc. № 94А, p. 585; А. В. Ефимов. Указ. соч., стр. 324.

⁵⁴ «A List of Those That Have Been Executed for the Late Rebellion in Virginia, by sir William Berkeley, Governor of the Colony». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. I, pp. 3—4.

⁵⁵ T. J. Wertenbaker. Torchbearer of the Revolution. Georgetown 1965.

«В Вирджинии имеется серьезная опасность восстания законтрактованных работников. Они находятся в большой нужде и испытывают недостаток в одежде, что может привести к разграблению складов и кораблей»⁵⁶. Но законтрактованные работники и ставшие батраками фермеры направили свой гнев против непосредственных угнетателей — крупных землевладельцев. В 1681—1682 гг. по Вирджинии прокатилась волна мятежей. Взбунтовавшиеся батраки и законтрактованные работники уничтожали посевы табака на плантациях, поджигали амбары с просушенным и готовым к отправке товаром⁵⁷. Эти стихийные восстания самых обездоленных и отчаявшихся слоев колониального населения были зверски подавлены, а предводители их казнены.

Поселенцы Массачусетса, как и других колоний, стремившиеся к экономической самостоятельности, нарушали законы метрополии (в частности навигационные акты), препятствовавшие развитию земледелия, ремесла, промышленности и торговли. В целях охраны интересов господствующих классов британское правительство усилило надзор за соблюдением ограничительных мер и распустило законодательное собрание Массачусетса. Во время социальных конфликтов в колониях Англия всегда находила опору в лице колониальной аристократии. В Массачусетсе вся полнота власти была передана в руки назначенных королем губернатора и членов совета при нем⁵⁸. Присланный из Англии новый губернатор Э. Эндрос в первую очередь объявил незаконным прежний раздел земли в колонии, что явилось прямой угрозой экономическому существованию массы поселенцев. Одновременно Эндрос выделил большие земельные площади английской знати, главным образом за счет общинных земель. Покушаясь на общинные земли колонистов, Эндрос и его помощники Э. Рэндольф и Дж. Дандли пытались убедить Лондон в том, что эти земли якобы никому не принадлежат. Поселенцы Массачусетса начали испытывать постоянную тревогу за свои земли из-за посягательства со стороны губернатора и лордов-собственников из Мэна и Нью-Гэмпшира. Губернатор раздавал крупные земельные пожалования своим друзьям и приближенным, которые придерживали землю до тех пор, пока цены на нее не поднимались, а потом распродавали ее мелкими участками и таким путем быстро обогащались. В ущерб основной массе населения был введен новый порядок налогообложения⁵⁹. Строжайшее ограничение торговли в соответствии с навигационными актами привело к поднятию цен на многие товары. Начались притеснения пуританской церкви. На протест городской сходки бостонцев против этих мероприятий в 1689 г. власти ответили запрещением созыва таких собраний. Наконец, попытка Эндроса обложить земельную собственность феодальными повинностями и ввести ренту вызвала отчаянное сопротивление колонистов⁶⁰.

Глубокое возмущение охватило массы поселенцев, которые еще в 1641 г. добились отмены фиксированной ренты в колонии. Распространявшиеся среди народа памфлеты резко осуждали намерения Эндроса и лордов-владельцев Мэзона и Джорджеса заставить поселенцев платить ренту за «земли, доставшиеся им в результате огромных усилий и борьбы с дикой природой, земли, которыми они в течение многих лет владеют на основе самых законных прав, какие только имеются или

⁵⁶ «Calendar of State Papers. Colonial Series, 1681—1685». L. 1860, p. 134; А. С. Самойло. Указ. соч., стр. 56.

⁵⁷ R. B. Morris. Government and Labor in Early America. N. Y. 1947, p. 177; Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 68.

⁵⁸ «The Revolution in New England Justified». «Force's Collection of Historical Tracts». Vol. IV. N. Y. 1947, pp. 12—14.

⁵⁹ Ibid., pp. 9, 19, 23, 38, 56.

⁶⁰ «The Declaration of the Gentlemen, Merchants, and Inhabitants of Boston and Country Adjacent April, 18. 1689». Ibid., pp. 6—12.

могут быть у любого народа во всем свете». Другие памфлеты призывали поселенцев к защите своих прав на землю, которую «их отцы добыли своим трудом». Трактат «Оправдание революции в Новой Англии» предупреждал фермеров, что за попыткой введения фиксированной ренты может последовать захват и раздел их земель между представителями королевской власти в Новой Англии⁶¹.

После получения известий о свершившейся в Англии «славной революции» 1688—1689 гг. накопившееся недовольство аграрной, торговой, налоговой и религиозной политикой колониальной аристократии вылилось в широкое и бурное движение. 18 апреля 1689 г. бостонцы — ремесленники, мастеровые, лавочники, местные купцы и жители окрестных ферм — направились к зданию английской администрации, арестовали Эндроса и его помощников и, проведя их по городу, заключили в крепость. В сообщении об этом английскому королю восставшие бостонцы писали, что губернатор Эндрос пытался отобрать у населения Новой Англии «земли, дававшие продукты и средства, необходимые для существования»⁶². Деятельность Эндроса была последней попыткой ввести феодальные порядки в колониях Новой Англии. Королевская хартия 1691 г. признала существование здесь свободной земельной собственности, без каких-либо феодальных повинностей и ограничений⁶³.

За восстанием в Массачусетсе последовало свержение колониальной администрации в других колониях Новой Англии. Главными завоеваниями восставших были: сохранение земли за их владельцами, восстановление законодательных собраний, некоторая демократизация избирательного права. Причем после этих событий в Коннектикуте и Род-Айленде не только ассамблеи, но и губернаторы стали избираться колонистами. Восстание фермеров, ремесленников, мастеровых и купечества в Массачусетсе и сопутствовавшие ему народные движения в других колониях Новой Англии имели большое значение для закрепления буржуазных форм земельной собственности в этих колониях и явились важным историческим этапом в нараставшей борьбе колонистов против гнета феодальных собственников и колониальной аристократии.

Мелкие фермеры и арендаторы колонии Нью-Йорк давно с сочувствием следили за борьбой своих соседей в Новой Англии против попыток введения феодальных порядков. Еще будучи принцем, будущий король Яков II роздал представителям английской знати огромные земельные площади в колонии Нью-Йорк⁶⁴. Свою землю лорды-собственники не продавали, а предпочитали сдавать в аренду мелким фермерам. В результате землевладельцы получали с последних и арендную плату и фиксированную ренту. В 1689 г. здесь вспыхнуло восстание под руководством Дж. Лейслера против гнета феодальных магнатов и крупных торговцев. Симпатии и солидарность бедноты из среды фермеров, ремесленников, мастеровых и законтрактованных работников соседних колоний и городов были на стороне «смутьянов»⁶⁵. Повстанцы свергли деспотические органы управления, которые находились в руках крупных лендлордов и торговцев, провели выборы в ассамблею и приступили к демократическим преобразованиям. Прежде всего они аннули-

⁶¹ «The Revolution in New England Justified». Ibid., p. 18; А. С. Самойло. Указ. соч., стр. 309, 310.

⁶² В. W. Bond. The Quit-Rent System in the American Colonies. New Haven. 1919, p. 49.

⁶³ «Narratives of the Insurrections», pp. 173—174, 199—202; J. Jennings. Boston—Gradle of Liberty, 1630—1776. Garden City. 1947, pp. 69—70.

⁶⁴ «State of the Land in the Province of New York in 1732». «The Documentary History of the State of New York». Arranged by E. B. O'Callaghan. 4 vls. Albany, 1850—1851, vol. I, p. 250; «Report of Governor Wm. Tryon on the State of the Province of New York, 1774». Ibid. Vol. I, p. 509.

⁶⁵ R. Livingston—Edmund Andros, 14 April, 1690. Ibid., Vol. I, p. 193.

ровали ряд земельных и торговых монополий, изменили систему налогообложения в пользу трудящихся колонистов и провели некоторые демократические реформы в области самоуправления. Однако после жестокого подавления восстания в 1691 г. большинство этих демократических завоеваний было уничтожено⁶⁶.

На протяжении 70—80-х годов XVII в. бурным движением протеста против произвола лордов-собственников, земельных захватов и фиксированной ренты были охвачены также Нью-Джерси, Каролина и Мэриленд. Восставшие фермеры Нью-Джерси прекратили выплату фиксированной ренты, избрали новую ассамблею колонии и в течение нескольких лет не признавали власти лорда-собственника. Но после прибытия английских войск прежние порядки были восстановлены. Не добились успеха и фермеры Каролины, пытавшиеся отменить фиксированную ренту и часть налогов на табак⁶⁷. В 1689—1692 гг. колонисты Мэриленда подняли вооруженное восстание против лорда-собственника Балтимора с целью «защиты жителей от насилия, притеснения и уничтожения»⁶⁸. На их знаменах был написан ставший популярным девиз восстания Бэкона — «жизнь, свобода и владение землей»⁶⁹. Восставшие захватили власть в колонии и прогнали ее владельца. Управление провинцией перешло непосредственно в руки короля. Но от такого «успеха» основной массе колонистов не стало легче жить.

Лорд Балтимор не был лишен прав феодального собственника на землю⁷⁰. Он по-прежнему свободно распоряжался своими владениями, а с пожалованных ему земель, как и раньше, взysкивал фиксированную ренту, получая ежегодно 700 фунтов стерлингов. Таким образом, и в Мэриленде феодальные порядки не были поколеблены.

Социальные взрывы, происходившие в течение последней четверти XVII в. в колониях, не разрешили противоречий между крупными феодальными землевладельцами и мелкими фермерами. В начале XVIII в. число желающих получить земельный участок необычайно возросло в результате беспрецедентной иммиграции. Новая волна иммиграции, состоявшей теперь наряду с англичанами из фермеров Шотландии и Ирландии, ремесленников Швейцарии, немецких крестьян, французских гугенотов, явилась в истории колоний в высшей степени динамичным фактором, начавшим в полную меру действовать в первой половине XVIII века⁷¹. С причаливавших к американскому берегу кораблей сходили тысячи иммигрантов, пополнявших ряды беднейших слоев населения и усиливавших демократическое движение в колониях против крупного феодального землевладения. Большинство вновь прибывавших вынуждены были стать законтрактрованными работниками. Условия жизни и труда этих белых рабов были несколько не лучшими, чем у черных рабов, которых начали ввозить в колонии в большом количестве лишь с конца XVII — начала XVIII века⁷². Рабство белого было ограничено временем, и собственник стремился выжать из него все, что возможно, за время контракта. К тому же белых рабов всегда заставляли работать сверх установленного срока, иногда до двух лет, за каждую провинность⁷³.

⁶⁶ См. подробнее: J. R. Reich. *Leisler's Rebellion: A Study of Democracy in New York, 1664—1720*. Chicago. 1953.

⁶⁷ См. «Narratives of the Insurrections», pp. 149—164; Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 83—84, 90—91.

⁶⁸ «Declaration of Protestant Subjects in Maryland, 1689». «Narratives of the Insurrections», p. 312.

⁶⁹ Ibid., p. 311.

⁷⁰ «Dictionary of American Biography». 20 Vols. N. Y. 1928—1936. Vol. III, p. 427; Vol. IV, p. 430.

⁷¹ Н. А. Ерофеев. Указ. соч., стр. 89—90.

⁷² «Historical Statistics of the United States. Colonial Times to 1957». Washington. 1961, p. 756.

⁷³ Ф. Фонер. История рабочего движения в США. Т. I. М. 1949, стр. 32.

В составе переселенцев из Европы доля законтрактованных работников на протяжении XVII—XVIII вв. колебалась в разные годы и периоды от 50 до 75%. В 1623—1637 гг. $\frac{3}{4}$ иммигрантов, ступивших на землю Вирджинии, были законтрактованными работниками⁷⁴. По данным Э. Смита, белые рабы составляли «не менее $\frac{1}{2}$ и не более $\frac{2}{3}$ » всей белой иммиграции в американские колонии⁷⁵. По мере их развития доля законтрактованных работников в социальном составе иммиграции имела тенденцию к повышению⁷⁶. После отработки установленного срока значительная их часть стремилась приобрести землю, хотя далеко не всем это удавалось. Те же, кто рано или поздно, преодолев огромные трудности, добивались своей цели и становились мелкими фермерами, были главным образом скваттерами⁷⁷.

Но путь к получению земельного участка в Америке был далеко не легким. На системе законтрактованных работников наряду с британскими торговцами «живым товаром» обогащалась земельная и торговая аристократия колоний. Из-за нехватки рабочих рук и в связи с этим сравнительно высокой заработной платы свободных рабочих эта система позволяла крупному землевладельцу-плантатору или торговцу в течение относительно короткого срока накопить значительный капитал. Этот избыточный капитал, в свою очередь, позволял им ссужать деньги законтрактованному работнику, когда заканчивался срок его кабального договора. Не имея средств, нужных для того, чтобы начать вести свое собственное хозяйство на земле, только что обретший свободу белый раб не мог упустить такого случая⁷⁸. Приобретенный таким образом долг, в свою очередь, являлся инструментом, с помощью которого кредитор заставлял должника отдавать ему всю произведенную продукцию немедленно после сбора урожая, когда цены на нее находились на низшей границе. Такие отношения приносили крупным торговцам и землевладельцам огромные богатства. В то же время они создавали многочисленный класс бедных, отягощенных долгами фермеров, заветной мечтой которых оставалась свободная ферма на свободной земле. В конце XVII — начале XVIII в. повысился спрос на землю и среди плантаторов. Экономическая необходимость заставляла их покидать истощенные земли и приобретать новые латифундии, зачастую с помощью весьма неблагоприятных методов⁷⁹. Оценивая создавшуюся ситуацию, колониальные торговцы сами начали смелее вкладывать свой капитал в землю, становясь, как и многие плантаторы, земельными спекулянтами.

Наблюдая за повышением цен на землю, лорды-собственники или, скорее, их уполномоченные (поскольку большинство крупных землевладельцев предпочитало жить в Англии — отсюда название «отсутствующий землевладелец») оттягивали продажу земли, поскольку земля, проданная сегодня, могла подняться в цене уже завтра. Такая земельная политика феодальных лордов раздражала не только поселенцев — фермеров, но и земельную буржуазию — плантаторов и дельцов-спекулянтов. Лорды-собственники оставались глухи к нуждам фермеров и арендаторов, трудившихся на их земле. Последние требовали соблюдения

⁷⁴ W. S. Robinson. Op. cit., p. 39.

⁷⁵ A. E. Smith. Colonists in Bondage, p. 336.

⁷⁶ В 1773—1775 гг. в числе английских подданных, выехавших в колонии Северной Америки из Лондонского района, белые рабы составляли около 80%. M. Campbell. English Emigration on the Eve of the American Revolution. «The American Historical Review», Vol. 61, 1955, № 1, p. 5; Н. А. Ерофеев. Указ. соч., стр. 80—81; Б. М. Косарев. К проблеме формирования рынка наемного труда в североамериканских колониях Англии. «Возникновение капитализма в промышленности и сельском хозяйстве стран Европы, Азии и Америки». М. 1968.

⁷⁷ «American Colonial Documents». Doc. № 71, pp. 469—476; W. S. Robinson. Op. cit., pp. 38, 39; A. E. Smith. Colonists in Bondage, pp. 54, 291, 297.

⁷⁸ A. E. Smith. Colonists in Bondage, pp. 293, 296.

⁷⁹ См. «American Colonial Documents». Notes, p. 325.

арендных договоров, предоставления дополнительных земельных участков для разросшихся семей, установления твердых норм по выплате фиксированной ренты и в конечном счете ее отмены, справедливого судопроизводства, создания условий для обучения детей, защиты западных поселений от набегов индейцев.

В такой обстановке в начале XVIII в. нарастали противоречия между крупными феодальными магнатами, с одной стороны, и основной массой трудящегося населения, боровшегося за «свободную землю», а также новой земельной буржуазией колоний — плантаторами, с другой. Развитие производительных сил в земледелии постепенно все более расшатывало искусственно насаждавшуюся в Северной Америке феодальную систему землевладения. На рубеже XVII—XVIII вв. во многих колониях была разрешена купля-продажа земли. Этот чисто буржуазный способ перераспределения земли появился в отдельных колониях в разные сроки, варьировались также цена и условия продажи⁸⁰. Но общим для этих колоний явилось то, что покупатель земли все же становился ее держателем, а не собственником, и с него по-прежнему взыскивалась фиксированная рента. Таким образом, уступая давлению пробивавших себе дорогу буржуазных земельных отношений, лорды-собственники упорно стремились сохранить свои средневековые привилегии. Некоторые из них, как, например, феодальные магнаты Южной Каролины, попытались вскоре отменить продажу земли и заставить колонистов брать ее в аренду. Это совпало по времени с яростными столкновениями с лордами-собственниками на религиозной почве и привело к победоносному восстанию фермеров в 1719 году⁸¹. Их вооруженные отряды из разных мест Южной Каролины двинулись на столицу колонии — Чарльстон. Выступление фермеров поддержала часть заинтересованных в земле плантаторов и торговцев. Восставшие разогнали местные власти, полностью подчиненные лордам-собственникам, провели выборы в новую законодательную ассамблею, взяли управление в свои руки и обратились с просьбой к английскому королю принять колонию под свое непосредственное управление. Король был вынужден выполнить требования восставших: вскоре в Южную Каролину прибыли новый губернатор и новая администрация. Так, вслед за Мэрилендом Южная Каролина превратилась из собственнической колонии в королевскую⁸².

Выступления фермеров против феодальных порядков и в других американских колониях вынудили Англию постепенно взять в свои руки управление над большинством из них. Только в четырех колониях — Пенсильвании, Нью-Джерси, Мэн и Нью-Гэмпшир — лорды-собственники сохранили свои первоначальные хартии вплоть до войны за независимость. Хотя борьба фермеров по вопросу о распределении земель привела в большинстве колоний к свержению власти крупнейших феодальных землевладельцев, феодальные порядки в землевладении и землепользовании там не претерпели изменений. По-прежнему земельные магнаты оставались самой надежной опорой метрополии в колониях. В свою очередь, крупные землевладельцы, чувствуя поддержку короны и ее войск, усиливали эксплуатацию мелких фермеров и арендаторов, еще строже взыскивали ренту.

С появлением в колониях королевских губернаторов и новой администрации дело с распределением «незанятых» земель среди поселенцев ничуть не улучшилось. Губернаторы и другие должностные лица прежде всего сами обзавелись крупными земельными владениями. Почти бесконтрольно распоряжаясь королевской землей, они предоставля-

⁸⁰ М. Harris. Op. cit., p. 237.

⁸¹ Г. Аптекер. Указ. соч., стр. 95.

⁸² См. подробнее: W. R. Smith. South Carolina as a Royal Province, 1719—1776. N. Y. 1903, pp. 11—14, 29—32.

ли огромные земельные пожалования как своим английским друзьям, так и отдельным американским предпринимателям, а затем и целым земельным компаниям. В целях получения «незанятых» земель богатые колониальные торговцы и плантаторы использовали не только свое влияние и дружбу с королевскими чиновниками. Люди, делавшие щедрые подарки губернатору, легко получали патенты на огромные земельные площади, с которых они уплачивали ничтожно малую ренту. Многие зависело и от землемера: не выезжая на место, он мог, разумеется, за мзду, отвести земли намного больше, чем значилось в реестре, и соответственно назначить меньшую фиксированную ренту⁸³. В начале XVIII в. были вскрыты колоссальные злоупотребления при распределении земель в Вирджинии и Нью-Йорке. В период правления нью-йоркского губернатора Флетчера было выдано по крайней мере шесть земельных пожалований от 30 тыс. до 500 тыс. акров⁸⁴. Более половины наиболее важных патентов на землю составляли владения от 1 тыс. до 10 тыс. акров каждое. Например, в округе Уэстчестер (колония Нью-Йорк) шесть таких владений составили половину всего округа. Приблизительно такое же положение сложилось при распределении земли в округах вдоль реки Гудзон от ее устья вверх до Олбани. Перечень патентов только на очень крупные земельные пожалования (свыше 10 тыс. акров), выданные в колонии Нью-Йорк до войны за независимость, занимает четыре страницы убористого шрифта⁸⁵. Концентрация земли происходила и в других колониях.

Огромные пространства лучших земель приобретались дельцами и земельными спекулянтами с единственной целью — перепродажи в будущем. Именно из этих слоев общества, движимых жадой капиталистической наживы, выходили наиболее энергичные и наиболее беспринципные застрельщики продвижения на Запад. Как правило, это были люди, уже обладавшие огромными земельными площадями и по собственному опыту знавшие, что вернейшим способом разбогатеть в Америке является захват обширных земельных массивов до того, как в этих местах появятся поселенцы. В начале XVIII в. Р. Беверли, один из первых историков Вирджинии, охарактеризовал сограждан своего круга как людей, «самым большим желанием которых было стать владельцами крупных участков земли»⁸⁶. Таким образом, на землях, оставшихся за пределами феодальных маноров и королевских владений, также шел процесс образования крупного землевладения. Главную роль в этом процессе играли уже буржуазные элементы в лице земельных спекулянтов и владельцев коммерческих плантаций.

Социальные последствия концентрации земли в начале XVIII в. были исключительно велики. Переселенцы, прибывавшие в Америку в надежде приобрести участок земли и соглашавшиеся из-за этого на многолетнюю кабалу, в конце концов не были даже допущены к земле. Для них оставался единственный выход — идти на Запад и самочинно занимать и осваивать землю.

В течение первых 100—120 лет существования колоний в их землевладении и землепользовании возникло уникальное положение. Почти $\frac{9}{10}$ земли принадлежало лордам-собственникам. Часть этих земель была передана в феодальные держания колонистам, которые были при-

⁸³ W. S. Robinson. Op. cit., p. 63.

⁸⁴ U. P. Hedrick. A History of Agriculture in the State of New York. N. Y. 1966, pp. 44—51; R. V. Coleman. Liberty and Property, 1664—1765. N. Y. 1951, p. 200.

⁸⁵ См. U. P. Hedrick. Op. cit., pp. 45—48.

⁸⁶ Th. P. Abernethy. Western Lands and the American Revolution. N. Y. 1959, p. 2.

креплены к земле, подчинялись юрисдикции лендлордов и выплачивали фиксированную ренту. Крупное феодальное землевладение лордов-собственников и хозяйства прикрепленных к их земле колонистов означали попытку возродить в Америке тот способ производства, который уже сошел с исторической сцены в Западной Европе, уступая место капиталистическому.

Капиталистическая тенденция проявлялась в американских колониях в разных формах и с разной степенью интенсивности. Сильнее всего она проявилась там, где на землях феодалов основывали коммерческие плантации «капиталисты»⁸⁷, применявшие в своем хозяйстве рабский труд: в течение XVII в. — труд законтрактованных работников, в конце XVII — начале XVIII в. — труд черных рабов. При этом одной из важных предпосылок самого образования плантаций в южных и среднеатлантических колониях была практиковавшаяся здесь феодалами система землепользования — подушный надел на каждого купленного плантатором раба, белого или черного. Капиталистические предприниматели, плантации которых располагались на землях феодалов, были обязаны подчиняться (при отсутствии оговорок в патенте на плантацию) введенным последними порядкам (запрет продажи всей латифундии или ее части и т. п.) и выплачивать фиксированную ренту.

Тем не менее, когда речь идет о колониях XVII — начала XVIII в., то лишь применительно к тем районам, где преобладали коммерческие плантации, можно говорить о появлении капиталистического производства, да и то в его начальной, далеко не развитой форме, при которой существует только «формальное подчинение труда капиталу», то есть когда капитал не овладел процессом труда⁸⁸.

В ряде колоний Новой Англии, где не было феодального землевладения, земля распределялась мелкими участками в собственность поселенцам. Хотя определенная часть этих колонистов и привозила с собой из метрополии более или менее значительный капитал, они не были капиталистами, и их производство, по крайней мере в течение XVII — начала XVIII в., не являлось капиталистическим. Они стремились обеспечить свое собственное содержание, и их главный продукт не предназначался для торговли и не становился товаром⁸⁹. Такой же патриархальный, натуральный характер носило хозяйство скваттеров, самовольно селившихся на землях лордов-собственников в отдаленных районах колоний. Но хозяйства колонистов как в Новой Англии, так и на территориях, освоенных скваттерами, несли в себе тенденцию капиталистического развития, и в борьбе против феодальной монополии лордов — собственников на землю было возможно их объединение с владельцами коммерческих плантаций, также представлявших капиталистическую тенденцию, но другого типа.

На основе поземельных отношений в американских колониях на протяжении XVII — начала XVIII в. завязывался сложный узел общественных противоречий. «Мелкие буржуа и крестьяне, бежавшие от европейского феодализма с целью учредить чисто буржуазное общество»⁹⁰, столкнулись с насаждавшимися там феодальными земельными отношениями. Ко времени прибытия в Америку первого миллиона колонистов (в середине XVIII в.) более 9/10 земель, пригодных для ведения сельского хозяйства, оказалось в руках феодальных лордов-собственников. Очаги феодализма искусственно насаждались в собственных и королевских колониях, а не сложились там естественным путем. Они могли существовать только благодаря опоре на военную и морскую мощь

⁸⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 329.

⁸⁸ См. «Архив Маркса и Энгельса». Т. II. М. 1933, стр. 93.

⁸⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 26, ч. II, стр. 328.

⁹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 128.

Британии, поскольку односторонне введенным формам феодального землевладения отнюдь не соответствовали те формы производственных отношений, с которыми прибывали колонисты из Европы. Новое общество в Северной Америке начинало свое развитие, отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, «располагая наиболее прогрессивными индивидами старых стран, а стало быть и соответствующей этим индивидам наиболее развитой формой общения, еще до того, как эта форма общения успела утвердиться в старых странах»⁹¹.

Чем больше усилий лорды-собственники прилагали для введения и закрепления феодальных производственных отношений, тем более упорное сопротивление встречали они со стороны колонистов. Восстания в Вирджинии, Новой Англии, Нью-Йорке, Нью-Джерси, Каролине, в основе которых лежала борьба за «свободную землю», привели к ликвидации феодальной государственной власти лордов-собственников в их манорах и постепенному переходу к середине XVIII в. большинства собственнических колоний под власть короны. Однако крупная земельная собственность феодалов оставалась нетронутой, взимание фиксированной ренты продолжалось, по-прежнему действовали законы о неотчуждаемости и неделимости феодальных маноров. Все это выдвигало земельный вопрос на одно из первых мест в дальнейшем развитии классовой борьбы, приведшей к войне американских колоний за независимость.

---

⁹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 3, стр. 73.